

РАЗДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Е. КОРЕПОВА

РЯЖЕНЬЕ В СОСТАВЕ РУССКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ряженье в составе свадебной обрядности долгое время было областью, мало изученной, и база источников по нему оказалась значительно беднее, чем по ряженью календарному и посиделочному. Об этом в начале 90-х годов прошлого века писала крупнейший исследователь ряженья в русской культуре Л. М. Ивлева: «К сожалению, бóльшая часть сведений о свадебном ряженье — слишком общего характера. Это мешает восстановить с желаемой полнотой основной набор масок, типичных для данной обрядовой ситуации, и получить представление о разыгрываемых окружниками сценках».¹ Потому в ее фундаментальном труде «Ряженье в русской традиционной культуре» (СПб, 1994) свадебной разновидности ряженья уделено значительно меньше внимания, чем другим его видам. Но ряд принципиальных положений, определяющих направление дальнейших исследований, Л. М. Ивлевой высказано. Одно из них: «Ряд свидетельств дает возможность говорить об известной специфике свадебного окружничества. Она связана как с комплексом персонажей, <...> так и с сюжетными типами игры».²

За прошедшие три десятилетия положение несколько изменилось. Во-первых, появился энциклопедический труд по славянской свадебной обрядности А. В. Гуры, где на общеславянском материале дан обзор ряженья, выделены основные маски, названо место ряженья в структуре обряда, затронут вопрос о семантике

¹ *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 114.

² Там же.

ряженья, отмечено, что «шутовское и бесчинное поведение ряженных в конце свадьбы связано с временным снятием запретов, вызванным распадом структуры социально-родственных отношений в лиминальной фазе обряда».³ Во-вторых, появились работы и о русской традиции ряженья на свадьбе, но стоит отметить, что в них из всего комплекса свадебного ряженья внимания привлекли в основном только некоторые его проявления, в первую очередь обряд «поиски ярки» и «похороны покойника».⁴ Поэтому, если задача «восстановить с желаемой полнотой основной набор масок»,⁵ типичных для ряженья в русской свадьбе, выдвинутая Л. М. Ивлевой, оказалась в значительной мере решена, то вторая названная ею научная задача — «получить представление о разыгрываемых окружниками сценках» — остается до сих пор актуальной, как и установление связей масок и сценок с семантикой обряда, характер включения их в структуру обряда, региональная специфика свадебного ряженья и, наконец, описание свадебного ряженья как целостной системы и выявление его специфики. Введение в науку нижегородского материала может способствовать решению некоторых выдвинутых задач, хотя бы более полному установлению набора масок, сцен, разыгрываемых ряжеными, и характеристике региональной специфики.

В Нижегородском крае ряженье, как и в других регионах, входило преимущественно в состав обрядов второго дня свадьбы. Оно было известно на всей территории Правобережья и в приволжской части Заволжья, но не было характерно для Поветлужья,⁶ где свадебная традиция близка севернорусской. В вятском пограничье Заветлужья (Тоншаевский, Уренский, Тонкинский, Шаранг-

³ *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 212.

⁴ *Матлин М. Г.* Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX вв. (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. 2011, № 3. С. 80—92; Там же. С. 82—83 — обзор работ о «поисках ярки»; *его же:* Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь / И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова и др. Т. 2. М.: «Индрик». 2012. С. 631—645, *его же:* Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29). С. 121—133; *Самодолова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба (послевенчанальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Часть 2 // Рязанский этнографический вестник. Вып. 56. Т. 2. Рязань, 2015. С. 85—108; *Бузин В. С.* Ряженье в южнорусской свадебной традиции. www.gramota.net/materials/3/2018/2/3.html (дата обращения — 19.11.2018). Наиболее полный обзор свадебного ряженья дан в указанной работе Е. А. Самодоловой.

⁵ *Ивлева Л. М.* Ряженье в традиционной русской культуре. С. 114.

⁶ Оно не упоминается ни в одном описании ветлужского свадебного обряда, даже сделанных в XIX — начале XX вв.

ский р-ны) ряженье в составе свадьбы иногда встречается, но носит факультативный характер: «Если есть, как говорится, охотники, дак они ходят, наряжаются, а в которых деревня-то нету-ка этого охотников-то» (Тонш., д. Писари).⁷ География распространения ряженья в Нижегородском крае, таким образом, вероятно, отражает общий характер его распространения в русской традиции: отсутствие или малое распространение в севернорусской свадьбе, как в западной ее зоне,⁸ так и в восточной,⁹ и широкое распространение в свадьбе среднерусской.

В нижегородском Правобережье, то есть в свадьбе среднерусского типа, оно представлено прежде всего обрядом *поисков ярки*. Кроме Правобережья, обряд в Нижегородском крае известен также в прибрежной части Заволжья, но роль его в содержании второго дня там менее значима, и главенствующую роль в игровой части второго дня занимает ряженье, связанное с катанием молодых в баню.

Как известно, поиски ярки (или телки) широко распространены за пределами Нижегородского края: в средне- и южнорусских областях,¹⁰ особенно в Среднем Поволжье,¹¹ но обряд отсутствует в северной части Среднего Поволжья, смежной с Нижегородским Поветлужьем, и на территории, простирающейся далее на восток.¹² Таким образом, бытование обряда в Нижегородском Поволжье вписывается в общую картину его распространения.

⁷ Цитируемые здесь и далее материалы находятся в Архиве Центра фольклора Нижегородского университета. Описание их с указанием всех паспортных данных и архивных шифров см.: *Коренева К. Е.* Материалы по свадебной обрядности в Архиве Центра фольклора ННГУ. Нижний Новгород, 2016.

⁸ Не упоминается, например, ряженье в описании свадьбы Заонежья, см.: *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск, 2001. С. 247—249.

⁹ Нет упоминания ряженье в публикациях вологодской свадьбы, см., например, *Сказки и песни Белозерского края*. Сборник Б. и Ю. Соколовых. Кн. 2. СПб, 1999: с. 72—149 — Белозерский у., с. 150—327 — Кирилловский у.; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985, гл. 18.

¹⁰ См., например, *Русская свадьба*. Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. Под ред. А. С. Каргина. Т. 1. М., 2000. С. 29: Рязанская, Калужская, Курская, с. 30: Воронежская, с. 31: Волгоградская обл. О географии распространения обряда см. также: *Матлин М. Г.* Обряд «Поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX вв. С. 81.

¹¹ См., например, *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 124—125; Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь... Т. 2. С. 631—645.

¹² *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. С. 124, рисунок-карта 18.

На нижегородской территории обряд имеет несколько наименований: *искать ярку*, *искать телочку* (наиболее распространенные варианты), *искать курочку* (несколько деревень в Дальнеконстантиновском р-не: Городищи, Николаевка), а также без замены животным и орнитоморфным персонажем *искать невесту*, *молодку* (Сосн., д. Марфино, с. Рожок). Поиски ярки, телочки, курицы, молодки не отличаются ничем, кроме номинации.

Поиски ярки ряжеными показательны как для нижегородской традиции, так и для свадебного ряженья в целом. Ряженье этого вида, как и всё свадебное ряженье, не выделяется терминологически, на него и его участников распространяется общая терминология, без выделения ее разновидностей. В нижегородской традиции ряженые как в календарных обрядах, так и на свадьбе — это рядихи, снаряженки / наряженки, нарядчики, святки, святошники («*Снаряженки* были, на другой день свадьбы», Тонш., с. Ошминское, «*Святошниками* всеми <...> на свадьбу приходили: <...> то в солдаты ряженые, то в цыган», Коверн., д. Большие Мосты) и т. п.

Большинство персонажей поисков ярки известны по другим видам ряженья: старики и старухи, уродцы, «инородцы», представители некоторых обособленных профессий, необычные в своей одежде, травести и т. д. Не были оригинальны также главные персонажи обряда — пастух и милиционер. Не оригинален для ряженья и тип построения действия, разыгрываемого в поисках ярки: оно многоэпизодно, последовательно развертывающееся, со вставными эпизодами, не имеющими прямой связи с сюжетной линией и следующими параллельно основному действию. Таковы в календарном ряженье проводы Весны, в нижегородском и пензенском варианте похороны Костромы, обряд женитьбы и похорон Кузьмы-Демьяна и др. Оригинальным, не свойственным другим видам ряженья, порожденным свадебной обрядовой реальностью и мифологическим смыслом свадьбы, является сам сюжет игры — поиск исчезнувшей невесты, символом которой является в обряде животное (ярка, телка), реже орнитоморфное существо (курочка). Обряд в игровой форме передает смысл свадьбы как обряда «перехода», и, вероятно, потому он оказался настолько значимым, что в структуре ритуала объединил вокруг себя ряд послевенчальных церемоний и в некоторых региональных традициях «стал центром обрядности второго дня».¹³

Возможно, обряд поисков ярки в региональных традициях имел какие-либо отличия: в наборе персонажей и эпизодов, значи-

¹³ *Матлин М. Г.* Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX в. С. 90.

мости в ритуале и т. д. Так некоторые региональные особенности выявляются при сравнении нижегородских вариантов со средневолжской версией, описание которой по множеству вариантов дано М. Г. Матлиным.¹⁴ Они сводятся к степени разработки обряда. Нижегородские варианты обряда менее разработаны: в них сохраняется главным образом лишь основная сюжетная линия — поиск исчезнувшего персонажа и идентификация при нахождении. Информанты в рассказах о поисках ярки часто передают только ее: *«Наряжались хто чем: и милиционером, и нищими, и всяко... и пастухами, пойдут искать невесту к жениху. Найдут, опять гулянка»* (Сеч., д. Булдаково). *«Ряженные, ой, да в кого попало: и врачом наряются, и знахарками, и цыганками. В общем, ряженные. Оне <молодые> вот спрячутся куда-то к соседям, вот оне и бегают, в этот дом зашли — нету, значит, в следующем дому. Найдут, введут»* (Сеч., с. Скрипино).

В нижегородских вариантах поисков ярки, как правило, меньше эпизодов: нет, например, сюжетной прелюдии поисков — прихода ряженных от жениха с сообщением о том, что к ним «чужая ярка прибилась». Эта часть — явно результат позднего разрастания обряда, причем в некоторой степени нарушающего логику исконного содержания (зачем последующие поиски, если известно, где ярка находится?!). Не зафиксированы в составе обряда некоторые вставные эпизоды: роды «роженицы», эпизод с лошастью (введение в дом живой лошади). Единичны случаи использования явно поздних по происхождению письменных игровых «документов» («заявления о пропаже», «протокола досмотра», «акта о пропаже» и т. п.), встречающихся в других традициях.¹⁵ В составе персонажей нет некоторых масок или снижена их роль. Так, редко бывает выделена особо роль старухи как партнера пастуха и хозяйки ярочки, в очень редких, даже единичных, случаях используется кукла, хотя она в региональной традиции используется в другие моменты ритуала. Нижегородский тип обряда по составу персонажей и структуре близок рязанскому¹⁶ и представляет собой стадильно более раннюю версию, еще не притянувшую комических сценок, усиливающих фарсовый характер обряда, но не связанных со свадьбой.

В то же время общая тенденция к сюжетному разрастанию обряда присуща и нижегородским вариантам. Обряд поисков ярки иногда здесь имел продолжение. Второй день свадьбы в

¹⁴ Матлин М. Г. Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Приуралья... Т. 2. С. 631—645.

¹⁵ См. в традиции Ульяновской области: Матлин М. Г. Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв. Ульяновск, 2015. С. 72.

¹⁶ Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 85—92.

Правобережье обычно заканчивался тем, что молодые отправлялись в дом родителей невесты и ночевали там. В этом случае в ряженье включались родственники жениха: утром они приходили *искать барана* (Сеч., д. Булдаково, д. Ратманово, с. Верхнее Талызино; Лукоян., с. Новомихайловка; Б.-Мураш., с. Нелюбово). *«Невесту найдут, а тут на другой день жениха <ищут>: «У нас пропал жених»* (Сеч., д. Булдаково). Поиски барана известны в Поволжье и за пределами Нижегородской области.¹⁷

В нижегородской традиции отмечена вариативная форма вторичного поиска, обусловленная местной спецификой свадебного ритуала. В некоторых селениях ряженные, найдя «ярку», уводят ее ночевать в родной дом, а новобрачный остается в своем, тогда на следующий день снова разыгрываются поиски: «искать ярку» в этом случае отправляется «баран» со своей родней. *«Наряжаются. Первый день свадьбы кончится — на утро-ты ярку искать, оттуда, от невесты. Полно наряженных приезжают. <...> А на третий день свадьбы от нас уж баран туды едет ярочку искать»* (Сеч., д. Княжуха; Б.-Мураш., с. Курлаково). Широкого распространения в крае это продолжение не получило.

Поиски барана, как и *поиски бараном ярочки* — типичное для ряженья дублирование эпизодов, они разыгрывались по тому же сценарию, что и первые *поиски ярки*, но обычно дублирующая часть редуцировалась: отсутствовало узнавание персонажа и обнаружение происшедших с ним изменений. По мнению Н. В. Зорина, рассматривавшего обряд по материалам Среднего Поволжья,¹⁸ *поиски барана* представляют результат более позднего усложнения свадебного комплекса в связи с миграцией элементов. Его мнение о вторичности *поисков барана* подтверждают и нижегородские материалы.

Имеющиеся источники не позволяют сказать, когда появился в нижегородской традиции обряд *поисков ярки* и насколько он архаичен, но в записях свадьбы середины XIX — нач. XX вв., этот обряд не зафиксирован. Мы разделяем мнение М. Г. Матлина о позднем происхождении его. Рассмотрев широкий круг источников, исследователь пришел к выводу, что «русская и шире восточнославянская свадьба уже в XIX — начале XX в. обладала богатой, разнообразной и хорошо развитой традицией ряженья. <...> На основе этих традиций и формируется, вероятно в конце XIX — начале XX в. новый обряд, который оказался способным не только аккумулировать все <...> свадебные смеховые типы и формы, но и получить бурное распространение и дальнейшее развитие,

¹⁷ Матлин М. Г. Обряд «Поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе. С. 81.

¹⁸ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. С. 124.

приобрести сюжетную оформленность и стать центром обрядности второго дня во многих регионах России».¹⁹

Широкому распространению обряда поисков ярки и его укоренению, на наш взгляд, способствовали не только обстоятельность, отмеченные М. Г. Матлиным: наличие в свадьбе ряженья как такового и существование в ряженье масок и сценок, которые мог заимствовать складывающийся обряд поиска ярки. На наш взгляд, обряд прижился и получил распространение главным образом потому, что он соответствовал внутренней логике обрядового действия в свадьбе: в игровой форме на акциональном уровне он отражал переход невесты в новое жизненное пространство и происшедшие с ней после брачной ночи перемены. Кроме того, сам сюжет поисков невесты или исчезнувшей жены был популярен в фольклоре. Он в разной форме отражен в самой свадьбе, по-разному в местных традициях. Так в некоторых традициях сваты, приходя в дом невесты, представлялись путниками, ищущими продажную ярочку / телочку. Широко распространена игровая подмена или прятанье невесты и последующий поиск ее женихом. В некоторых областях дружка в приговорах рассказывал о преодоленном пути к невесте как о трудном ее поиске. В заонежской традиции в словесных прениях дружки и представителя невестинной стороны, встречающего поезд, последний говорит об исчезновении невесты, обернувшейся щукой, лебедью и т.п., а дружка, в свою очередь, рассказывает об удачном поиске ее женихом. Сюжет поисков в свадебной обрядности поддерживался также широким бытованием его в других жанрах, прежде всего в волшебной сказке и былинке. Свадебные поиски ярки, таким образом, использовали популярный и активно живущий в памяти людей сюжет.

В нижегородском свадебном ряженье, кроме поисков ярки, существует еще один сюжет, связанный с поиском, но с некоторым смещением акцентов: предметом поисков стал виновник исчезновения невесты — жених. Заместителем невесты в этом сюжете

¹⁹ *Матлин М. Г.* Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе. С. 90. Существует и противоположное мнение: Е. А. Самоделова говорит о давности обряда в рязанской традиции, ссылаясь на утверждение информантов («...существовал при жизни Есенина» и т.п.), но «давность» в памяти современных информантов может распространяться лишь на 3—4 поколения и относиться к началу XX века. К тому же встречается в рязанских материалах и другое утверждение («Ярку стали позже искать, тогда не искали»), но его исследователь склонна считать результатом забывчивости информанта: «Возможно, местная жительница застала возобновление ритуала, исконного, но подзабытого в родном селеении в сложный период послевоенных лишений». *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 87. Упоминаний о «поисках ярки» в рязанских документах XIX, как и в нижегородских, вероятно, нет.

является не животное, а дерево, соответственно разыскивающим похитителя — «лесник». Маска лесника в отличие от персонажей поисков ярки не относится к числу типичных в ряженье, но она вписывается в типологический ряд представителей профессий, несколько обособленных в крестьянском обществе, к тому же, по народным представлениям, связанных с демоническим миром (кузнец, гончар, пастух, знахарь-лекарь и т.п.).

Данный сюжет ряженья распространен в Заволжье: в Городецком и Ковернинском районах, сюжет пока не привлек внимания исследователей, хотя интересен как региональный вариант поисков ярки и изоморфный ему.

Сценка с «лесником» разыгрывалась во второй день свадьбы после бани молодых. «Лесник» появлялся на пиру, он разыскивал того, кто срубил в его лесу молодое дерево, и требовал за него плату: «Ну-ка тут у меня дерево срубили молодое, ну-ка кто-то тут?» (Город., д. Виноградово); «Ты дерево у нас свалил без спросу?» (Город., д. Дырино), «В лесника рядятся. Лесник: «Вот тако дерево вы у нас срубили. Так что, давайте, рассчитывайтеса за него. Само лучше дерево забирайтё!» Так шутили». (Коверн., д. Большие Мосты).

Уподобление невесты дереву в этой зоне укоренено в местной традиционной культуре и находит выражение в разных ее проявлениях. Здесь распространена была на молодежных беседах игра «в дерево», «деревом», «лес покупать»: «Деревом» играли: *девку ставят в избе посреди пола. Вожак с ремнем задает вопросы, а парни ему отвечают: Что это? — Дерево. — Какое? — Елево. — Зачем нужно? — На ложки. — Сколько стоим? — Сколько дашь? Кто больше даст денег за девку, тот и говорит: «Я беру дерево». Целует девку, берет за руку и отводит на лавку»* (Сокол., д. Дресвищи). Символ *дерево-невеста* (обычно сосенка, елочка) является сквозным в местном варианте свадебного обряда. Он появляется в иносказательном разговоре при сватовстве: «Нет ли продажного деревца?», «Мы за деревом приехали» (р. п. Ковернино), «Мы слышали, у вас есть сосенка, <...> вот бы сосенку у вас купить» (Город., д. Мошкино). Затем возникает при розыгрыше подмены невесты на девичнике — там, если жених ошибался в выборе, ему говорили: «Срубил дерево не то!» и требовали плату (Бор., д. Луговое). На стговорах, по приезде за невестой или на пиру после приезда от венца (в локальных традициях по-разному) жениху подносили украшенное деревце — елочку-красоту, и, наконец, на пиру после брачной ночи требовали плату за срубленное дерево. Обрядовый символ поддерживался и в поэтических текстах: в приговорах девушек, продающих елочку-красоту, и в песнях (здесь была известна песня с зачином «Стоит сосенка подсоченная, сидит девушка стговоренная»).

К сожалению, в записях обряда не отражены внешние признаки маски «лесника», позволяющие выявить его семантику. Но в зоне того же типа свадьбы персонаж «лесник» известен среди украшения свадебного хлеба — «невестиного пирога». На пироге, изготовленном подругами невесты, называемом в некоторых селениях «лесом» (Бор., д. Линёво) или «сельником» (Лыск., д. Валки), изображались деревья, сделанные из прутьиков или вылепленные из теста, и среди них «лесник», приметой которого было «ружье» — палка. Лесник иногда бывает в паре с женой «лесничихой» (Бор., д. Плотинка) и с «собакой» (Лыск., с. Великовское). Кроме данного натуралистического изображения лесника, известно и другое, в котором явно просматриваются черты существа демонического. По описанию, сделанному в 20-е гг. прошлого века на Ветлуге (тогда Краснобаковский у., ныне Воскресенский р-н) фигура на свадебном пироге — «безобразный старик с длинной бородой из льна, в рваной одежде, рваной шапчонке, с вязанкой дров из прутьиков за спиной и с клюкой в руке».²⁰ Ипостась «старика», рваная одежда и «безобразный» вид — признаки существа из иного мира. Принадлежность иному миру иногда отражается в наименовании, так в д. Ивановское. (Бор.) «старика» на пироге называли «лесовиком», т.е. лешим. Таким образом, можно говорить, что у ряженого «лесника», ищущего того, кто срубил дерево, есть мифический предшественник, но черты его в свадебной маске скрыты.

Поиск того, кто срубил дерево, можно поставить в один типологический ряд с поиском ярки. Сцены сходны по содержанию и сходно включены в ритуал свадьбы: оба вида ряженья соотнесены с иносказательным разговором при сватовстве («нет ли продажной ярочки, дерева и т.п.»), являются, таким образом, продолжением и завершением сюжета, намеченного в формулах сватовства. Но будучи парными с зачином свадебного «сюжета», они обратны по расстановке персонажей: при сватовстве сторона жениха искала и получала нужное (невесту), а в сцене ряженья, наоборот, сторона невесты искала ту же невесту, но уже навсегда утраченную. И если тема поисков при сватовстве дается в эмоционально нейтральном тоне, то в завершении свадьбы она предстает шутовской, отсюда и ряженные в ней.

По значимости и месту в ритуале ряжение лесником существенно отличается от поисков ярки: поиски ярки сюжетно развернуты и организуют вокруг себя обрядность второго дня, а ряжение лесником является лишь эпизодом на пиру. И если в поисках ярки действует большая группа людей, иногда все род-

²⁰ Мыльникова К., Цинциус В. Северно-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. С вводной статьей проф. Л. Я. Штернберга. Л., 1926. С. 141.

ственники невесты, участвующие в свадьбе, то в сцене с лесником ряженым бывает лишь один человек, правда, он вовлекает в игру остальных и они становятся не только зрителями, сколько участниками ее. Ряженые лесником имеет иную композицию, чем поиски ярки, в нем используется многократный повтор одного и того же: «лесник» в поисках срубившего дерево по очереди «пристает» к родственникам жениха и, наконец, к самому жениху, а затем так же обращается ко всем с требованием платы — прием, характерный для многих видов ряженья (ср. поочередное «таскание» девушек целовать «умрана», гадание цыганки и т.п.). Таким образом, в святочном ряжене тема поиска исчезнувшей невесты не ограничивается только поисками ярки, в региональных традициях встречаются иные сюжетные ее варианты и тема развивается в различных сюжетно-композиционных формах. Поэтому когда некоторые исследователи²¹ наличие поисков ярки относят к числу отличительных признаков, выделяющих среднерусскую свадьбу как особый тип, такой подход вызывает возражения. На наш взгляд, не совсем корректно отличительный признак сводить к одному конкретному виду ряженья, поскольку, кроме поисков ярки, в региональных вариантах свадьбы существуют не до конца еще выявленные другие сюжетные виды его. И стоило бы выделять в качестве определяющего компонента среднерусской свадьбы ряженые в целом.

В Нижегородском крае, как и во многих средне- и южнорусских областях, в обряды второго дня свадьбы включалось ряженые покойником / *упокойником* (Б.-Болд., с. Кистенев; Серг., с. Яново; Гагин., с. Мишуково; Почин., с. Маресово и др.).²² Оно входило в сюжетный комплекс поиска ярки, но могло существовать и самостоятельно. Сходно ряженые покойником включалось в структуру свадьбы в соседней Рязанской области.²³

Как известно, «покойник» — популярный персонаж во всех разновидностях ряженья. Устойчив круг мизансцен, составляющих «покойничьи игры»: шествие с «покойником», отпевание, на беседах принуждение девушек целовать покойника, его уклады целующих, оживление и др. Семантике и генезису маски и игр с ряженым покойником посвящена большая литература. Мы не будем касаться этих вопросов, рассмотрим лишь характер маски в свадьбе и способ включения ее в свадебный обряд.

²¹ *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба (довенчальные ритуалы и таинство венчания). Часть 1 // Рязанский этнографический вестник. Вып. 56. Т. I. Рязань, 2015. С. 27.

²² О географии распространения обряда «рядить покойника» в свадьбе см.: *Матлин М. Г.* Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села. С. 127.

²³ *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 92—98.

«Покойника рядили», как правило, в доме невесты, но встречаются варианты, где сцена с покойником разыгрывается в доме жениха. Первая локализация обряда нам кажется исконной. Когда во второй день свадьбы, то есть после брачной ночи, к родителям невесты приходили родственники жениха для продолжения пира или с приглашением на пир к себе, их встречали извещением о покойнике: *«Куда идете? У нас упокойник!»*; *«В дом не пускают: «Некогда со свадьбой! Не подходи близко, некогда: в дом-то покойник!»* (Гагин., с. Мишуково), *«У нас упокойник, а вы с весельем!»* (Почин., с. Маресево). Так же разыгрывается сцена встречи, если «покойник» оказывается в доме жениха. На наш взгляд, это известие о появлении «покойника», врывающееся в праздничное веселье, т. е. констатация произошедших изменений в семье несет основную смысловую нагрузку в свадебном ряжении покойником. Не случайно сцена присутствует в разных традициях, повторяются и возгласы, причем в близком словесном оформлении (Ср. запись в Ульяновской области: *«...Какие нам пиры? У нас покойник!»*).²⁴

При локализации обряда в доме невесты покойником часто наряжался кто-нибудь из ее родственников, в нижегородской традиции обычно женщина. Роль сводилась к изображению настоящего покойника — требовалось лежать неподвижно (на столе или на доске в избе) и быть безмолвным, хотя окружающие провоцировали выход из роли: *«И цапают, и лапают, терзают, щиплют. А ты лежи, не смей шелохнуться»* (Гагин., с. Мишуково). Затем разыгрывалось типичное для ряженья шуточное оплакивание покойника²⁵ и отпевание «попом».

Включение ряженья упокойника в поиски исчезнувшей ярки не случайно. Мы вслед за Е. А. Самоделовой²⁶ видим в свадебном покойнике «исчезнувшую» невесту, «умершую» в своем прежнем состоянии и образе жизни. Это значение сохраняется даже в тех случаях, когда покойником рядят в доме жениха и сообщают о нем родственникам невесты, пришедшим искать ярку, как, например, в обряде с. Кистенево Большеболдинского р-на. Невеста и для новой родни была покойником: в их дом вошла не прежняя девушка-невеста, которую они сватали, а новый человек. Так по-

²⁴ Матлин М. Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села. С. 122.

²⁵ Текст причитания, записанного в с. Кистенево (Б.-Болд.) и нотная расшифровка его см.: Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. подгот. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998. С. 183—184.

²⁶ «Вероятно, мнимый покойник символизировал собою ритуальное умирание одного из новобрачных (обычно невесты)» — Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 2, с. 96.

иски яркие и ряженье в покойника вливаются в инициационную линию свадьбы. Инициационная смерть невесты на заключительном этапе ее перехода представлялась в комическом освещении и органически вливалась в свадьбу-веселье.

В нижегородской традиции ряженья покойника не отмечены эпизоды, развивающие далее сюжет и усложняющие его: лечение покойника и в результате оживление, таскание его по селу. Отсутствует рассказ о смерти, происшедшей на пиру в результате «приступа» и неоказания медицинской помощи, не бывает в ипостаси покойника старуха, родственник жениха и т. п., что встречается в других традициях²⁷ и является явно проявлением десемантизации маски, потерей исконного смысла, в результате — превращением ряженья в простую развлекательность, «в собственно зрелище, в маскарад».²⁸

Ряженье покойником в свадьбе, скорей всего, не связано с похоронным обрядом непосредственно, оно пришло в свадьбу из святочного ряженья или даже из общего фонда масок в ряженье и претерпело в свадьбе изменения. Здесь мы имеем ту закономерность развития традиции ряженья, которую отмечала Л. М. Ивлева: «Ряженье входит в состав обрядов разного типа, и каждый раз между ним и соответствующим обрядом устанавливается некоторая внутренняя связь».²⁹ В свадебной обрядности эта связь выразилась в том, что появился новый сюжет («поиски исчезнувшей невесты»), а в ряженье покойника, приспособиваясь к содержанию свадьбы, несколько изменился сам персонаж. Так, ни в одном описании свадебного ряженья маска покойника не является страшной и не воспринимается как демоническое существо. Во внешнем облике нижегородского свадебного покойника, как и в других традициях, нет обычных для святочного персонажа огромных зубов, сделанных из тыквы или репы, свадебный персонаж предельно натуралистичен. В сюжете свадебной игры исчезли некоторые моменты, связанные обычно с ряженым «покойником» в календарных обрядах и беседных играх, в том числе моменты эротического характера, казалось бы, подходящие для свадьбы («таскание» покойника по избам, принуждение девушек целовать покойника и его уколы целующего, хватание девушек и др.). Между тем облик страшной маски и перечисленные сюжетные ситуации известны в нижегородском святочном ряженье, т. е. потенциально имели возможность быть использованными³⁰ в ряженье на свадьбе.

²⁷ Матлин М. Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села.

²⁸ Ивлева Л. М. Ряженье в традиционной русской культуре. С. 10.

²⁹ Там же. С. 78.

³⁰ См. Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб, 2009. С. 170—172.

Но как только свадебное ряжение утрачивает связь с семантикой ритуала, оно теряет специфику, притягивая не свойственные ему маски и мизансцены (например, «гадание», «лечение», «вождение кобылки», «вождение медведя» и т.п.). Ряжение в этом отношении сходно с существованием в свадебном ритуале песен: исполнением не только собственно свадебных, воспроизводящих в тексте обрядовые действия, комментирующих обрядовые события и т.п., но и песен необрядовых, лишь приуроченных к свадьбе.

В нескольких нижегородских описаниях ряжения покойником основному событию (сообщению о покойнике в доме) предшествует эпизод, на первый взгляд сюжетно с ним прямо не связанный: пришедшие родственники жениха у входа в дом невесты встречают женщину, которая мнет куделю в ступе: «*На дворе мяли кудель, толкли в ступе*» (Почин., с. Маресево); «*А около крыльца куделю мнем. Мнут, треплют — пыль летит, кострига летит*» (Гагин., с. Мишуково). Эта сцепка отражена в обрядах разных районов и даже разных областей, например, в рязанской традиции сцене с «покойником» тоже предшествует эпизод встречи с женщиной, толкущей что-либо в ступе³¹, поэтому соединение двух эпизодов явно не является случайным. Е. А. Самоделова видит в сцене толчения «метафору полового акта».³² Действительно, кудель в традиционной культуре может быть символом женского начала и по принципу метонимии заместителем невесты: ее в некоторых локальных традициях после просватанья в качестве красоты вывешивали на стену дома невесты, затем сжигали³³ Ступа может символизировать женское лоно, а пест, которым толкли в ступе, является фаллическим знаком, поэтому толчение допустимо рассматривать как эвфемизм коитуса. На возможность такого толкования эпизода указывала Е. А. Самоделова, а на материале сказки о девочке Снегурочке, сделанной в ступе (вариант сюжета СУС 703), В. Е. Добровольская. Приведем сходный пример из нижегородского свадебного фольклора: когда дружка в приговоре затрагивал тему толчения («*Дайте <коням> сена зеленого, овса толченого*» — выделено нами — К. К.), девушки, переводя разговор в другой, эротический план, предлагали: «*Снимай портки да сам толки!*», на что, продолжая разговор в том же ключе, «дружка не оставался в долгу и отвечал: «*Были бы у вас тарелочки муравлены, а наши пестики всегда направлены!*».³⁴ Если толчение кудели — знак коитуса и дефлорации, то следующая

³¹ Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 1. С. 136.

³² Там же. С. 102.

³³ Валенцова М. М. Кудель // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Переелка). М.: «Международные отношения», 2004. С. 19—21

³⁴ Нижегородская свадьба. С. 153—154.

сцена в ряженье — естественное ее продолжение: покойник — знак смерти невесты-девушки и в физиологическом смысле.

Ряженье покойником, как и поиски ярки, относят к отличительным признакам среднерусской свадьбы.³⁵ В нижегородской традиции этот вид ряженья распространен действителью в зоне свадьбы среднерусского типа, но далеко не повсеместно, а лишь на ограниченной компактной территории: только в некоторых районах центра (Гагинский, Сергачский), в основном по югу области (Большеболдинский, Краснооктябрьский, Шатковский, Починковский р-ны). За пределами ареала маска покойника в свадебном ряженье отсутствовала и, по мнению информантов, считалась для свадьбы не подходящей: *«Вот когда ... начинали свадьбу, так рядятся и в цыган, и всяким тута. <А в покойников рядились? — вопрос собирателя> Нет. Покойников куда уж на свадьбу-то?»* (Коверн., д. Мурени); *«Покойником — не знай, а врачом рядились»* (Вад., с. Елховка).

Рассмотренные виды ряженья содержательно встраиваются в основную сюжетную линию свадьбы, но в нижегородской традиции, как и во всей русской, есть в свадебном ряжене сцены, с основной линией свадьбы непосредственно не связанные. Они представляют другой тип включения ряженья в свадебный ритуал. Как правило, они бывают связаны с отдельными моментами ритуала, отдельными обрядовыми действиями, и придают им комический характер, хотя по содержанию ритуала комическое начало эти действия не содержат и могут существовать вне сферы комического. Так, в междуречье Оки и Волги и в Заволжье, на территории, простирающейся вдоль левого берега Волги (Сокольский, Ковернинский, Городецкий, Борский р-ны) в свадьбу вводится ряженье при проведении бани молодых, тогда как за пределами данной территории, например, в Поветлужье, эта церемония обряда проходила без ряженья и носила серьезный или эмоционально нейтральный характер.

Подобно «поискам ярки» баня молодых на указанной территории являлась доминантой второго дня, и с ней были связаны основные события: бужение молодых, оповещение о невинности невесты, чествование молодых (катание по селу) и др. В отличие от невестиной бани, являющейся кульминацией в инициационной линии невестиной свадьбы и выдержанной в трагических тонах, баня молодых в обрядовом «переходе» жениха и невесты является развязкой и отличалась буйством веселья. При этом она сохраняла все присущие данной банной церемонии ритуальные атрибуты: баню топили определенными лица (обычно дружка или

³⁵ Кальницкая А. М. Взаимодействие и взаимосвязи поэзии с обрядом в среднерусской свадьбе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984, с. 46; Самоделова Е. А. Традиционная рызанская свадьба. Ч. 1. С. 27.

сваха, за что им полагалось вознаграждение), новобрачные выкупали венки, воду, при входе молодых в баню совершались обряды соединительного характера («*Порог бани посыпали хмелем. Венки молодых связывали*» Кстов., д. Афонино), при выходе из бани совершалось публичное оповещение о непорочности невесты и т. д. Но при этом в целом банный ритуал носил игровой характер. Молодые чаще всего в бане лишь имитировали мытье: умывали лицо, мочили голову и т.п. «*А невеста-та с женихом сидят там для порядку, маленько голову-то намочить, будто мылась, и идешь ужю, а то ведь и не выпустят*» (Вач., д. Жекино); «*А вот как мы женились, в баню нас, да на второй-то день, после свадьбы-то!... Ой, боже мой, да батюшки! Да хочется ли это идти в баню?!... Вот в баню придешь, помочи хоть лоб, не мойся*» (Чкал., с. Сицкое); «*Чай, скатятся да пошли, ... размывались что ли там, распаривались!?*» (Бор., д. Ильинское); «*А мы вот не мылись, только руки помыли да и всё, умылись*» (р. п. Ковернино). «*Взяли санки, а и на санках в баню увезли да там попрыскали водой. Игра, игра, есть игра*» (Сокол., д. Шумилово).

Ритуал разыгрывался по законам народной смеховой культуры. Многие в нем было представлено в перевернутом виде. Молодых часто забирали и везли в баню прямо с брачной постели, «полуголыми», «молодая бывает в одной своей сорочке» — писал корреспондент ИРГО в середине XIX в.³⁶ Не давали молодым одеться и когда забирали из бани. «*В пальто не одевают, а закатывают во что-нибудь. Бросают перед ними одеяло. И все танцуют вокруг них...*» (Коверн., Кошелево); «*Как поднимают молодых, так сразу в баню. Из бани — их прямо в одеялах на сани и катают по деревне*» (Коверн., Мокушино). Везли нарочно — «для смеха» — в том, что не предназначено для перевозки людей: «*иногда не на санках, а в корыте*» (Бор., Плотинка, Матвеевка), осенью или летом по земле без снега везли на дровнях, в санях или санках, а зимой на телеге, в XX веке на тачке или на грузовом прицепе: «*их везли в баню в корыте, дружка шел впереди с колоколом*» (Бор., Первое Мая); «*На санках летом попрут бабу в баню!*» (Семен., Малое Зиновьево); «*Да и мало того, и летом-то возьмут да санки, а то так на тачку*» (Коверн., Васильево); «*Вот Таньк-то у нас выдавали, так от нашего тракторишка, от маленького, тележку взяли и на этой тележке привезли от бани*» (Чкал., Колобово); «*После ночи молодых в баню водили. Вот на санках.... Меня вниз положут, а его сверху — так вот везут. И пляшут и поют, и прям на санках озоровали*» (Коверн., д. Мурени).

Участвовали в проведении бани не только члены брачующихся родов, но и «посторонние», «глядельщики». Народу около бани

³⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг. Вып. 2, 1915. № 138. С. 831.

собиралось много, действо было массовым. *«На утре в баню возили на санках или на тележке. ... Раньше кашовейки были, эти лошадики посадят, в баню-то увезут. Посторонние люди — гуляшские»* (Коверн., д. Каменное); *«Возили. Да пляску устроят у бани-то, да гормонь, да выпивка, это было. Нам наподдают всёго: и выпивки, и закусок. Это наша милость была, постороння <посторонних, тех, кто приходит смотреть>. Берешь где санки ли, чево ли, и стоим тут у бани-то, и оттуда кода выходят — раз, хоп туды! Постелем чего помягче и везем. Это вот. А нам надают всячины: выпивки, закуски. ... Вот чего делали, бывало!»* (Коверн., д. Васильево). При этом собственно ряженных, тех, кто перевоплощался, было немного — только те, кто везли молодых и изображали коней: *«лягаются, брыкаются», «фыркают».* *«Из бани молодых опять везут в кошевке, впрягаются мужики»* (Коверн., д. Кошелево). *«В сани впрягаются мужики, избражают коней: подвезут молодых к колодцу и начинают ногами скоблить. Дают им воды — не берут, потом наливают вина — выпивают и везут дальше по деревне»* (Коверн., д. Мокушино); *«Везет на себе какой-нибудь здоровый мужик, ... останавливается у колодца, просит воды. Ему подносят воды — он фыркает, бьет ногой. Ему подносят вина, и он рад, доволен, везет дальше»* (Коверн., д. Мурени); *«На второй день ряженные были: женщин пару запрягают, это будто как лошади: надо их (молодых) в баню вести, да надо из бани привозить. Они вот едут, везут молодых. Устали, упали. Это значит, обезвоживание полное. Это значит, надо поить. Это значит, подносить надо...»* (Город., д. Виноградово).

Конь — типичный персонаж календарного ряженья (конь-русалка, конь в проводах весны и др.), но там он мифическое существо, большое (его изображают, как правило, два мужика под пологом) и обычно страшное³⁷ (голову его иногда делают, используя череп от скелета лошади). В свадебной маске коня, везущего молодых в баню, мифологический подтекст снят. Ряженные изображают реальных животных, выступая в их функции и повторяя некоторые специфические их действия («лягаются», «скоблят ногам», «бьют ногами», «фыркают»), в то же время ведут себя как люди (требуют поднести вина) и этим создается комизм.

В сцене катания молодых в баню, как и в сцене поиска срубившего дерево, ряженными оказываются лишь несколько человек, но они провоцируют реакцию зрителей, «вызывая взрыв активности» и, как указывала Л. М. Ивлева, в этом случае стирается разделение на актеров-ряженных и зрителей. «Можно с уверенностью говорить, если не о полной нерасчлененности участников на актеров

³⁷ Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. С. 87.

и зрителей, то по крайней мере о малой дифференциации»,³⁸ — писала она.

Традиционным для любого вида ряженья было звуковое оформление процедуры бани с участием ряженых. В то время, когда молодые находились в бане, остальные присутствующие, пирующие (свадебщики) и глядельщики, «чудили», устраивали вокруг бесчинства, особенно в то время, когда молодые мылись в бане: шумели, стучали в окно и стены бани, жгли вокруг костры, стреляли. «Свадебщики били о стену бани горшки» (Павл., д. Булатниково); «Родственники бросают в баню камни, комья земли» (Павл., с. Тумботино); «Пока молодые моются в бане, гости стреляют, в сковородки стучат, кричат «Ура!» Особенно веселится женихова сторона» (Коверн., д. Большие Мосты); «Вокруг пляшут, бьют палками по углам бани, кидают в стены камни, мужики стреляют» (Коверн., д. Кошелево); «В баню увёзут: кто залезет на трубу-ту — водой обольет молодых-то. Всё чудили, чудили» (Сокол., д. Слободки). «Свадебщики» и «глядельщики» плясали, пели «срамные» частушки (эротического содержания, с ненормативной лексикой). «Я взяла заслонку да гвоздок большой и барабаню, в заслонку стучу и пою: «Как во Пикине деревне / Кто-то баню подожег: / Галья м...ой опалилась, / Колька яйца сожег!». Припевки, все такие припевки. Слушают, а мы поем, да пляшем, да хулиганим» (Бор, д. Пикино); «Молодых в бане затирают. <...> Пели, ну а как же: «У нашего дружки яйца по кружке...» (Сосн., с. Рожок³⁹); «Из бани вёзут, песни поют матерны, всякие прибаутки. Опрокинуть могут и безобразят» (Сокол., д. Мурзино). Шум и бесчинства, имевшие первоначально магический характер, здесь превращались в элемент игры.

В нижегородской традиции в приволжской зоне еще одна ситуация сопровождалась ряженьем — битье посуды. Ко времени оповещения о целомудренности невесты на свадьбе появлялся «горшечник» — кто-либо из односельчан жениха. Он привозил на санках горшки и начинал торговлю ими. «Приезжают с горшком, Господи, с плетухой! И тут горшки, старые кринки — ну и вот покупают: «Сколько стоит?» — «Вот сколько». Покупают, деньги подадут, а его рózобьют, об пол рózобьют... Ну, эти сродники-те, на свадьбе-то которы гуляют, вот они вылезают (из-за стола) и покупают горшок... А такая мода была, такая мода» (Тонк, д. Трошково; сходно: Тонк., с. Полянское); «Бывалоча, накладывают горшков на санки, набрасают старых, новых, а за них деньги.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А. Н. Каракулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. Нижний Новгород, 2012 (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»). Т. 1), № 286. С. 150.

А свахи пляшут на них» (Коверн., д. Большие Мосты); *«Приезжают «горшечники» (ряженые), продают горшки-окатнички»* (Коверн., д. Кошелево); *«Привозят на санях торговые горшки. Начинают их бить. Жених и невеста подметают черепки... Подметут всё, начинают складывать в корзину без дна. Все смеются»* (Коверн., с. Шадрино). Иногда появлялась потом еще и «лошадь» с повозкой: *«Это рядились на другой день — вывозить черепки. Вот с дровешкам! Вот нарядится: ... сначала «лошадь» придёт, и вот дают там вина, угощают, бутылку ли с собой дадут. Вот эти черепки на дровешки-то покидают»* (Город., д. Строчково); *«Человек рядился как лошадь и извозчик... Плетёные санки такие были, и вот они на этих санках приезжали... В тулупах дрянных, рваных, сапоги подшитые <...> Вот глядельщики приезжают с санками, и им вот на эти санки наваливают, все высыпают черепки. И вина им дают, закуски, вот денег дают»* (Город., Терентьево). Горшки для свадьбы в некоторых селениях собирали специально в течение года: *«Старые посуду, эти глиняные горшки ... нарочно собирают и ложат, потом на свадьбе бьют»* (Тонш., Малокаменское). Битье посуды существовало в ритуале и без связи с ряженым, но маска горшечника и лошади, сцена привоза и продажи горшков придавала битью игровой фарсовый характер. Хотя горшечник (гончар) в народных представлениях связан с миром нечистых,⁴⁰ и некоторые атрибуты его как представителя иного мира присутствуют в костюме нижегородского ряженого (*«в тулупах дрянных, рваных, сапоги подшитые»*), мифологическое содержание образа явно стерто, как и в маске «лесника», и это стирание, ослабление мифологического подтекста у масок, вероятно, является характерной чертой свадебного ряженья, хотя наше предположение сделано только на нижегородском материале и нуждается в проверке материалом других региональных традиций.

Итак, свадьба как обряд «переходный» потенциально располагает возможностью поведения его участников вне обычных норм, как и календарные праздники, приуроченные к «кризисным», переломным моментам года. Ряженые позволяют эту возможность реализовать. Оно развито там, где в обряде, наряду с инициационной линией, присутствуют элементы свадьбы-«веселья», в Нижегородском крае — на Правобережье и в приволжской зоне, в свадьбе среднерусского типа. Нижегородский материал дополняет известный набор персонажей святочного ряженья масками горшечника, лесника и коня в особом воплощении, соответственно сюжетными ситуациями, с ними связанными. По характеру встроенности в свадебную обрядовую систему нижегородский

⁴⁰ *Топорков А. Л. Гончар / Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1995. С. 518—519.*

материал позволяет выделить два типа ряженья: 1. сюжетно развернутое, организующее вокруг себя обрядовые действия (поиски ярки, катание молодых «лошадьми» в баню, к колодцу, по деревне и т. д.) и 2. являющееся только эпизодом, вписывающимся в обрядовое действо и, как правило, придающим ему комический характер (сцена с лесником, горшечником). Последний тип, вероятно, наиболее вариативен и в региональных традициях даст новые маски и ситуации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арз. — Арзамасский р-н	Первом. — Первомайский р-н
Б.-Мураш. — Большемурашкинский р-н	Сеч. — Сеченовский р-н
Бор. — Борский р-н	Сокол. — Сокольский р-н
Вад. — Вадский р-н	Сосн. — Сосновский р-н
Город. — Городецкий р-н	Спас. — Спасский р-н
Коверн. — Ковернинский р-н	Тонш. — Тоншаевский р-н
Кстов. — Кстовский р-н	Чкал. — Чкаловский р-н
Лукоян. — Лукояновский р-н	Шатк. — Шатковский р-н
Павл. — Павловский р-н	

* * *

Аннотация: В статье рассматривается ряженье, характерное для среднерусской свадьбы. Анализируется семантика и способы включения в обряд некоторых сцен ряженья (поиски исчезнувшей невесты, продажа «дерева» «лесником», толчение кудели в ступе, катание молодых на «лошадях»-людях и др.). Исследуется региональная специфика свадебного ряженья.

Ключевые слова: русский свадебный обряд, среднерусская свадьба, ряженье, региональная специфика

Abstract: The article is devoted to disguising (ryazhenie) which is part of the Central Russian wedding rite. The author of the article analyses the semantics and ways of incorporating disguising elements into the rite (search for a vanished bride, the sale of a tree by a forest spirit, pestling flax in a mortar, riding «horses» by newlyweds etc) and examines regional peculiarities of disguising (ryazhenie) in the wedding rite.

Keywords: Russian wedding rite, Central Russian wedding, disguising (ryazhenie), regional peculiarities